

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Памятка

убийцы

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Художественное оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Памятка убийцы / Николай Леонов,
Алексей Макеев. — Москва : Эксмо,
2025. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-225954-8

В Москве один за другим найдены три трупа со следами отравления. Первую жертву — бывшую приму-балерину Большого театра — обнаружила квартирантка. Женщина сидела в театральной позе в старом кресле и будто бы смотрела в окно. Вторую жертву — профессора математики — нашли на скамейке возле дома. Третья — молодая девушка — оказалась под парашютом набережной с букетом белых лилий. У всех в руках были записки, адресованные полковнику МВД Льву Гурову. Сыщик понимает, что эти преступления — вызов лично ему. Но на что намекает неизвестный душегуб этими мизансценами? Похоже, в уголовной практике оперативника остались неоплаченные долги...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-225954-8

ВВЕДЕНИЕ

Даже после смерти она была невероятно красивой. Тонкой, изящной. Словно статуэтка из фарфора. Одна из тех, что стояли у нее в серванте. От этого его душила ярость. Злость. В смерти нет ничего красивого. Она отвратительна, она разрушает все вокруг. И люди, потерявшие кого-то близкого, тоже отравлены ее ядовитым касанием, и они несут эту заразу дальше. Хотелось разбить, сломать ее. Но останавливал план.

И то, что в глубине души он боялся, что убитая, если он коснется ее, рассыпется в пепел или разобьется на тонкие осколки. А это разрушит все.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Генералу Петру Николаевичу Орлову угрожали часто. Можно сказать, что он уже привык. Но вот уже который день в верхах Орлову очень старались дать понять, что кресло под ним угрожающе шатается. Все нападки генерал привычно отбил, по поводу своего кресла он давно не волновался, а вот что за карусель началась по поводу работы его управления, Петру Николаевичу было интересно. Такие шатания он очень не любил. И понимал, что если кто-то копает под него, то придется отбиваться.

И лучшего помощника, чем Гуров, в этом деле у него не будет. Бывали в практике полковника дела, в которых Петр Николаевич просил Льва работать быстро, тихо и так, чтобы никто, даже Крячко, не знал, что на самом деле происходит. А бывало и наобо-

рот — когда кресло генерала, можно сказать, защищали оба напарника.

В этом году весна в Москву пришла рано. Светило яркое солнце, и хрустальный блеск сосулек стекал на асфальт звонкими каплями. Еще вчера был прохладный февраль, а сегодня в кабинете оперативников Главка Льва Гурова и Станислава Крячко даже с распахнутыми окнами и открытой дверью от жары было нечем дышать. Не хотелось включать компьютеры, казалось, что и от них будет слишком много жара. И дело было не в погоде за окном, а в том, что отопление работало так, словно вокруг была не весенняя Москва, а зимний Мурманск. Уже все сотрудники управления ходили по коридорам в футболках и в шутку говорили, что все происходящее — это диверсия, чтобы нейтрализовать работу Главка.

— Я к этому не готов, — практически простонал Крячко. Он только приехал. Гуров же был на работе с восьми утра, нужно было провести допрос по делу, которое длилось уже почти четыре года, и с каждым годом дата слушания дела в суде переносилась. Для всех в Главке было большим секретом, каким образом Лев Иванович умудрялся спокойно переносить любые погодные перемены. Он мог с удовольствием пить крепкий горячий

чай или кофе в самую жару, а даже в самые крепкие морозы казалось, что перчатки полковник надевает исключительно чтобы не шокировать общественность.

— У тебя что, лава течет вместе крови? — спросил Крячко, заметив чашку с горячим кофе у друга на столе.

— Нет, но сегодня обещали вручную слить горячую воду. Батареи остынут, оживешь, — улыбнулся Гуров уголком губ. Телефон зазвонил, как обычно, «вдруг». Словно подкарауливал момент, когда Лев наконец-то закончит заполнять очередной формуляр, отложит ручку и потянется к кофе, чтобы сделать глоток и порадоваться, что у него есть целых пять минут на себя.

Гуров молчал в трубку минут пять, потом сказал, что скоро будет. Он еще уточнял адрес, когда, в свою очередь, зазвонил телефон у Крячко, и Орлов быстро попросил его поехать на убийство вместе с напарником.

И Гуров, и Крячко занимались не связанными друг с другом преступлениями. Льву Ивановичу досталась очень запутанная история с кражей картины из частной коллекции. С каждым днем расследование обрастало таким количеством деталей, что у полковника уже все перемешалось, а порой, как ему казалось, в глазах темнело от избытка

информации. Крячко досталось стандартное мошенничество в масштабах бюджета небольшого государства, всего с одним убийством в деле. Собственно, из-за этого убийства Стасу и приходилось заниматься сбором информации. Он даже чувствовал себя неловко, видя, как друг постоянно мотается на допросы очередного «эксперта», который был уверен, что он точно разгадал тайну картины и всех несчастий вокруг нее.

— Тебя тоже посылают на труп на Волхонке? — спросил Крячко, положив трубку.

Гуров кивнул.

— Старые дома, близость к Кремлю... Такое начало обычно не предвещает ничего хорошего, но хотя бы отдохну от всего этого. — Он показал рукой на гору бумаг на столе.

— Тяжелое у тебя дело, если ты хочешь отдохнуть на убийстве, — фыркнул Крячко.

Напарники решили поехать на машине Гурова, благо добираться предстояло не столь далеко, особенно если знаешь, какими переулками можно обогнуть традиционные пробки.

Направлялись сыщики к островку старой, кинематографичной Москвы. Дома, всего три, сохранились на Волхонке, в низине рядом с Кремлем. Если пройти через

арку сквозь дом, то окажешься на одной из самых коротких улиц Москвы — Ленивке, упирающейся в набережную Москвы-реки. Трех- и четырехэтажные дома были построены в девятнадцатом веке, и когда-то в них размещались доходные дома. Теперь же — квартиры, считающиеся элитными, несмотря на старый жилой фонд.

Во двор одного из таких домов Гуров с Крячко и въехали. Крячко мельком огляделся: тихий дворик, у подъездов теснятся дорогие и очень дорогие автомобили. У нужного им — первого — стояла криминалистка Дарья.

— Я вас поджидаю! — радостно воскликнула она при виде сыщиков. — Следственная группа работает. Я свое дело уже сделала и решила подышать свежим воздухом. Лев Иванович, Станислав Васильевич, вы себе не представляете, как там красиво! — Дарья отличалась удивительной для человека ее профессии эмоциональностью, искренней и яркой. — Там так удивительно! Сейчас увидите! Если можно так сказать, то это очень красивое убийство. — В этом была вся эксперт Главка, она могла найти красоту в убийстве, восхититься местом преступления и потом сидеть до утра, чтобы отыскивать следы там, где никто их не нашел.

— Ну что ж, веди, показывай свою красоту, — усмехнулся Гуров.

И они вошли в подъезд. Квартира жертвы располагалась на первом этаже, рядом с аркой. Старомодные высокие ступени, чугунные витые перила и узорная плитка подъезда странно контрастировали с современной металлической дверью. Гуров и Крячко, сопровождаемые Дарьей, вошли в тесную прихожую. Дарья кивнула на дверь в конце коридора:

— Она там, — и пояснила на случай, если полковники не успели ознакомиться с информацией: — Афанасьева Наталья Александровна, восемьдесят девять лет. Бывшая прима-балерина Большого театра. Очень активная дама, особенно в таком возрасте. Она даже преподавала в училище.

— Спасибо, Даша, — кивнул Гуров и шагнул в ярко освещенную солнечным светом комнату. Небольшую, какую-то пыльную, словно старинная шкатулка.

Бывшая прима Большого театра сидела в кресле у окна и смотрела на улицу. Первое, о чем подумал Гуров почему-то, — это отсутствие решеток на окнах. В голову ему пришла мысль, что ставить решетки на такие окна в подобной квартире было бы невероятной пошлостью. И здесь их не было. Зато были

какие-то пуфики, тонконогие столики-подставки, фарфоровые фигурки, хрусталь за стеклами старомодной «горки». Словно все застыло в прошлом. Впрочем, впечатления замшелости обстановка не производила — скорее ощущение творческой природы, этакой изысканности. Полковнику даже показалось, что он попал в какой-то кинофильм, настолько кинематографичным выглядело место преступления.

— Режиссер, блин! — Голос Крячко вырвал Гурова из странного оцепенения.

— Серьезно подготовился, — хмыкнул Лев Иванович, встряхнувшись. — И вряд ли ограничится одной постановкой.

— Полагаешь? — вздохнул Стас и задумчиво кивнул. И впрямь, обычно, если убийца обставляет место преступления с такой тщательностью и даже артистизмом, значит, его акция направлена на достижение каких-то ведомых лишь ему целей. И она не останется единственной.

— Как цветы между страницами книги, — неожиданно сказала Дарья, которая сегодня вела себя так тихо, что казалось, будто она и не дышит вовсе.

Точно. Квартира, мертвая балерина у окна, солнечный свет на стертом от времени паркете, шелк, картины на стенах в бе-

лых паспарту, а не тяжелых золотых рамах. Изысканный аромат мимозы. И рыдающая девчонка-квартирантка, нашедшая труп. Почему-то всем старая балерина напоминала засушенную между страницами книги чайную розу.

— Как ее убили? — спросил Крячко, надевая перчатки и осматриваясь.

— Пока предположительно — отравили. А потом накрасили, уже посмертно, посадили в кресло и придали ей позу задумчивого созерцания, — быстро, словно на уроке, ответила Даша.

— Почему посмертно? — заинтересовался Стас. — Может быть, она сама... прихорашивалась?

— Нет, — убежденно заявила Дарья. — Очень плотный тон... тональный крем, — пояснила она в ответ на недоумевающий взгляд сыщика, — и дешевый, насколько я могу сказать. Это пока предварительно, точнее напишу в отчете. Лег неровно. Толстый слой пудры. Ну и вообще... Судя по тому, что мы обнаружили на ее трюмо в спальне, женщина предпочитала дорогую и более легкую косметику.

— Ясно, — задумчиво покивал Стас, осматриваясь.

Льву все это что-то напоминало. Что-то из его далекого прошлого. Но он решил об-

думать смутные ассоциации позднее — пока же следовало заняться делом, раз уж Орлов направил их со Стасом сюда. Кстати, почему? Единичными убийствами обычно занимаются не оперативники из Главка.

— Почему мы? — эхом откликнулся на мысли Гурова Крячко.

— Это я позвонила Петру Николаевичу, у вас было занято, — сказала Дарья Гурову и протянула ему письмо. Бумажка была в пакете для сбора улик. Гуров машинально натянул тонкие перчатки, чтобы не оставлять своих «пальчиков» даже на пластике пакета, и взял его. Сквозь прозрачную пленку просматривался конверт, на котором было напечатано «Льву Гурову». Просто имя, без звания, без регалий. Но почему-то ни у кого не возникло сомнений в том, что письмо было адресовано именно полковнику.

— Открою?

— Конечно, — кивнула Дарья. — Отпечатков ни на конверте, ни на листке нет. Но вы правы, все равно лучше в перчатках. Я в лаборатории гляну — вдруг потожировые следы обнаружатся или еще что интересное.

Гуров кивнул, достал конверт и вынул из него самый обычный лист бумаги для принтеров, сложенный, как когда-то складывали

письма в конверты: второе, а сбоку еще один сгиб.

«Ты помнишь, когда ты последний раз ходил на балет?»

— Бред какой-то, — сказал Крячко, когда Лев показал ему записку. Полковник пожал плечами. — Кто тебе такие любовные послания может слать?

— Пока нет ни одной мысли, — серьезно ответил Гуров. — Я никогда не был в этой квартире. И не был знаком с примой-балериной Афанасьевой. Лично, во всяком случае.

— Да ты вроде бы и балетом не увлекаешься? — вяло поддел его Крячко. И предложил уже серьезно: — Проверим документы?

— Проверим все, — отозвался Лев, еще раз рассматривая лицо убитой. Насколько он знал — благодаря супруге-актрисе, — на лицо балерины нанесли сценический макияж. Плотный светлый тон, яркие пятна румян на скулах, тяжелые черные стрелки на веках и темно-алые губы. На сцене такой грим очень важен, он позволяет различать черты лица актеров даже с дальних рядов зрительного зала. Изящная поза...

— Переодевать ее убийца не стал? — задумчиво пробормотал себе под нос Гуров, обратив внимание на то, что корсаж и пышная юбка-пачка из черной сетки аккуратно

пристроены поверх домашних футболки и бриджей. Пуанты же натянуты на кончики пальцев и привязаны к щиколоткам лентами.

— Не стал, — согласно кивнула Дарья. — Либо не хотел возиться, либо размеры не подошли — точнее скажу после детального осмотра и измерений. Вот по пуантам и так видно — маловаты. Сами понимаете, с возрастом размер ноги нередко увеличивается, растаптывается, так сказать.

Гуров продолжил осмотр. В таких делах важно все. Одежда, поза, в которой оставили балерину, обстановка, руки. В его прошлом было дело одного серийного убийцы, который складывал руки своих жертв особым образом. И именно благодаря этому его удалось взять.

— Лева, я пробегусь по дому, — отвлек его от размышлений Крячко. — Хочешь — подключайся.

— Здесь не так много квартир, — отмахнулся Гуров. — Сам справишься, полагаю. Я пока здесь... исследую жизнь убитой.

Итак, жертва. Афанасьева Наталья Александровна, восьмидесяти девяти лет. Преподавала, вела достаточно активный образ жизни для своего возраста. В квартире поддерживала порядок — сама ли, или приглашала домработницу, или взвалила эту обя-

занность на квартирантку, Гуров пока не выяснил.

Пока Лев Иванович осматривал квартиру, вернулся Крячко.

Как показал опрос соседей, эта неукротимая дама...

— Успела изрядно всем надоесть. Все соседи в один голос твердят, что ни одно событие в доме или дворе не обходилось без Натальи Александровны. Буквально за час я узнал, что наша убитая была настоящим бультерьером. Она вцеплялась в любого нарушителя ее хрупкого спокойствия и не отпускала, — усмехнулся Крячко и добавил: — Она недавно переехала в этот дом и сразу же начала наводить свои порядки.

— Недавно — это когда?

— Полгода назад примерно, — ответил Стас. — Более точно выясним, когда подадим запрос в жилищную инспекцию.

— А где жила раньше? — встрепнулся Гуров. Лев просматривал старые фотографии и документы погибшей, которые были найдены у нее дома.

Крячко назвал адрес. То ли дежавю, то ли какое-то очень далеко запрятанное воспоминание, но Гуров вспомнил окно. Окно квартиры, выходящее на набережную Москвы-реки.

— Подожди, уж не выходили ли окна ее квартиры на набережную? Получается, что она, по сути, переехала через дом. Не так уж далеко.

— Да. Жила в просторной четырехкомнатной квартире, перебралась в уютную «трешку».

— Черные риелторы? — Гуров приподнял бровь.

Крячко покачал головой:

— Не вяжется. Поменяла квартиру с очень хорошей доплатой. Одну комнату сдавала Жанне, своей ученице.

— Да, точно, — кивнул Гуров, вспомнив заплаканную девушку, сначала сидевшую на диванчике в комнате, а потом перебравшуюся на кухню. — Давай с ней побеседуем.

— Лев Иванович, — окликнула его Дарья, — ребята с телом закончили. Увозим?

— Да, Даша, конечно, — ответил Гуров. — Ты сама едешь?

— Здесь мне делать больше нечего. Ключи вам оставить?

— Да, давай. Мы со Стасом поговорим с Жанной и все закроем.

Тело балерины вынесли и повезли в лабораторию судебной медицины, а сыщики перебрались на кухню.

— Жанна, простите, мы не представились сразу. Меня зовут Лев Иванович Гуров, а это

Станислав Васильевич Крячко. Мы можем с вами поговорить?

— Да, конечно, — слабо улыбнулась девушка. — Меня ваши коллеги отпустили, но я вас ждала... Кухню же осмотрели уже... Может быть, я чай сделаю? — неловко предложила она.

— А сделайте, — согласился Крячко, и Гуров кивнул. Жанна поставила чайник, достала три чашечки из тонкого фарфора и такой же изящный заварник, поставила на столик при мойке пачку крупнолистового чая и села за стол. Сыщики устроились напротив.

Память снова услужливо подкинула Гурову словосочетание «Стальные магнолии», кажется, это был какой-то фильм. Жанна была именно такой. Снаружи — хрупкий цветок, но он был уверен, что внутри она, как и многие профессиональные балерины, сделана из стали. Она искренне плакала по своей знакомой и преподавательнице, но при этом собралась и готова была отвечать на вопросы.

Девушка вздохнула, постаралась привести себя в порядок, проведя руками по лицу, а потом по собранным в хвостик волосам, и посмотрела Гурову в глаза.

— Я уже все рассказала вашим коллегам, но пока воспоминания свежи, решила еще

раз переговорить с вами. Ведь это вам было адресовано письмо?

— Вы его читали?

— Нет. Я сразу увидела, что Наталья Александровна мертва, и позвонила в полицию. Ничего не трогала, ее тоже. Пульс не проверяла, вдруг я оставлю какие-то следы.

Напарники переглянулись.

— А почему вы решили, что она мертва, и не вызвали «Скорую», а сразу позвонили в полицию? — заинтересовался Гуров, присев на краешек стола.

Крячко слушал разговор молча, пока не задавая никаких вопросов.

— Наталья Александровна никогда не сидела просто так. Она постоянно была в движении. Что-то читала, писала, говорила, даже если просто смотрела в окно, либо напевала, либо делала такой жест кистью, как будто дирижировала. Как показывает нам движения. Она любила смотреть в окно. Если сидела без движения и не отзывалась, значит, случилось что-то плохое. Понимаете, в ней всегда была энергия. К тому же она никогда не доставала из шкафа ни пачку, ни корсаж. Хранила их как реликвии сценического прошлого.

— Расскажите, пожалуйста, нам с самого начала, как вы ее нашли.